

АННА ТОЛКАЧЕВА

**ПОЦЕЛУЙ
СМЕРТУ**

16+

Анна Толкачева

Поцелуй смерти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67772162

SelfPub; 2022

Аннотация

Так тонка грань между явью и миром, где ее зовут Тайрья и ее сопровождает чувственный красавец, такой же порочный, как и загадочный. Она еще сомневается в выборе, но все ведет к одному.

Содержание

Анна Толкачева

Поцелуй смерти

Никакой защиты нет.

Это просто лунный свет,

Мельница, «Мертвец»

Часть 1

Солнце сползло к горизонту. На серых плитах высотных домов осели рыжие пятна его прощальных лучей, блики на стеклах перестали слепить своей яркостью. По вечерней земле поползли заострившиеся тени.

Расплавленный воздух, не спеша, по-хозяйски, вплывал в открытые окна. Не подгонял его ни слабый ветерок, ни приближавшиеся сумерки. Комнату затопили ржавые воды вечернего света и вязкое мутное ощущение расслабленности и ленивой предопределенности.

Очумело переводя взгляд с красной клетчатой скатерти на ревевший разъяренным носорогом чайник, гостя уговаривала свою подругу:

– Ну, зачем тебе чай? На улице жара невыносимая.

– А ты знаешь, что в Средней Азии, когда температура воздуха дотягивает до пятидесяти градусов, таджики пьют горячий чай в ватных халатах?

– Ой, не надо! – замахала руками девушка. – Мне уже и

так плохо.

Чай был разлит. Внезапно посерьезневшая хозяйка разглядывала дно кружки через бурую толщу кипятка, который был уже не в состоянии дымиться в такую жару.

– Знаешь, мне сегодня приснился странный сон. Воспоминания о нем до сих пор не дают покоя. – Девушка подняла на подругу большие глаза. В воздухе повис тонкий аромат волнения.

– Мне снился молодой мужчина.

Подруга заинтересованно подалась вперед. От удара ладоней по столешнице чашки досадливо звякнули.

– Чего же ты весь день молчала?! Давай, давай, рассказывай! Он был симпатичный?

– Я не знаю...

Зябко поежившись, она растерянно огляделась вокруг, будто искала опоры своим воспоминаниям. Ее задумчивый взгляд остановился на лице подруги. И лицо это выражало неудовлетворенное любопытство.

– Он склонился надо мной. От него веяло соблазном и опасностью. Голос был прекрасен. Я помню только голос. Он что-то повторял мне. Снова и снова, кажется, звал меня. Но разобрать слова было трудно. А теперь, я даже не знаю, о чем он мне говорил. Но он снова придет. Кажется, стоит только позвать, и он обязательно придет снова.

Сквозь толщу сна в ее сознание просачиваются звуки, за-

вораживающие своей таинственностью и красотой. Женский голос. Языческие напевы. Куплеты, наполненные мудростью древних. Попав на границу между сном и реальностью, она прислушивается к тоскливой мелодии, и незнакомые до этого момента старинные слова начинают сплетаться в плотный ковер перезвучий, в ажурный узор открывающихся смыслов. Ветер колышет прозрачные занавески, они развеваются, как подол бального платья. Свет, полутьма, черные дыры затопили комнату, ставшую теперь перевалочным пунктом, пограничным измерением между миром людей и иным миром. Мечутся тени, скользят по стенам размытые силуэты, неясные очертания чьих-то фигур крадутся осторожно, стремясь остаться незамеченными. В раскрытое окно вливается посеребренный лунным светом бурлящий поток ночного тумана. Ледяной струей волнение пробегает по нервам.

... Прозрачны ступени бытия – слеп человек, ступающий по ним...

Луч света, брошенного мигающим фонарем, пересекает четверка пегих лошадей, несущих за развевающимися гривами карету с фамильным гербом на лакированной дверце. Лунная дымка стелется под их точеными копытами. Ноздри их возбужденно трепещут от беззвучного храпа. Стальная упряжь алмазными бликами скользит по воздуху, размеренно ударяясь о седой бархат. Одно мгновение, выхваченное в изменчивом потоке времени, и четверки уже нет.

Силуэт английского денди в высоком цилиндре и тро-

стью в руке показался на сцене полуночных событий. Он сопровождает даму, бережно придерживая призрачно тонкую ручку в белой перчатке. Как она изящна и хрупка, словно фарфоровая статуэтка! На мгновение холодный луч, проравшийся через занавески, выхватывает его четкий профиль, вспыхивает и гаснет лихорадочный блеск в стекленеющих глазах, полоска света прошивает скромно-чувственную улыбку его спутницы, застывшую на бледнеющих губах, и вот уже силуэты тонут в зыбком тумане времени. Будто мягкий воск оплывает платье кокетки, а черный камзол светского щеголя сливается с чернилами ночи.

... Слушай звуки сердца...

... Жизнь – песчинки счастья в черных водах океана...

Боль – его волны, вечность – его проклятие...

Теперь незнакомец один, прислонившись к мрачному утесу, смотрит вдаль. Сидит, так же неподвижен, как и скала, на которую он опирается. И хотя дрема застилает ей глаза, она знает – это он. Так чувствует ее сердце.

В полусне она приподнимается на постели, но, боясь спугнуть видение, так и застывает, полусидя, не в силах оторвать глаз от черной фигуры, находящейся в нескольких шагах, но отделенной вечностью. Голос, напевающий старинный мотив, затихает, гаснут его последние отзвуки. Лунный свет покрывает пеплом его белокурые локоны. Ветер, которому молодой мужчина подставляет бледное лицо, развеивает его длинные волосы. И на мгновение красный аспид порочной

улыбки разворачивается на его тонких губах.

Пустынно. Позади виднеются размытые очертания грота. Пламенеют гранатовыми отблесками грани острого щебня. Их точеные копья еще хранят тепло пролитой жизни. Они помнят ярость сражения, ненасытность металла и кровавую капель оттепели бессмертия. Его партитура не утеряна бесследно, ее бережет хронометр, отражая на истлевшие листья свет багровой луны. Призрак смотрит вдаль, тоскливо провозжая взглядом долгие минуты, соединяющие одна другую в бесконечную цепь времени.

Черный силуэт мужчины растет и ширится – он распрямляется во весь рост и приближается к застывшей в изумлении девушке. Шуршание камней под подошвами эхом проносится в пустоте. Протянутая ладонь белеет в синеве пространства в ожидании прикосновения ее руки. В глазах – властные искры демонического обаяния. В каждом шаге, в четком жесте – твердая уверенность в последующей за ним покорности.

«Слушай звуки сердца...»

А ее сердце замерло. Оно говорит, что миг этот неповторим, и своим громким стуком не хочет спугнуть его очарование. Сердце зовет ее вперед, в манящую неизвестность.

В оцепенении девушка кладет тонкие пальцы в его холодную изящную ладонь. Мгновение и ночная сорочка превращается в атласное платье небесного оттенка со шлейфом из тонких кружев, подобных яблоневому цветку, в своей легко-

сти и белизне. Растрепанные во сне черные волосы раздувает ветер. Несмело она идет следом в густом, вязком мраке... Ничего нет. Лишь прозрачная гладь окна, усыпанная осколками искр. Шаг – и они на краю звездной пропасти. Другой. Шуршание длинного шлейфа подобно шелесту высокой травы под луной на поляне, не знавшей человеческой ноги. Шаг – и разверзшаяся во всю ширину бездонная чернота открывает им свои объятия.

Внизу, под ногами, совсем рядом бушует море. Это море вздрагивающих, мигающих, дрейфующих огней. А может, это звезды? Никак нельзя разобрать: то ли она вместе с незнакомцем скользит по воздуху высоко над городом, то ли они бредут вниз головой по бескрайним просторам звездного неба, и где-то далеко пролетают хвостатые кометы, и шлют прощальные лучи, сгорающие в атмосфере метеоры.

Она знает, что ее спутник идет рядом, хотя его не видно. Кружева его манжеты треплются о ее руку. Шелест его шагов слышен совсем близко.

Они идут долго, и занавес тьмы постепенно приподнимается, и очертания окружающей действительности становятся яснее.

Бесконечный коридор. Его стены дробятся множеством граней, с новым шагом каждая из них приходит в движение и поворачивается под другим углом к проходящим мимо. Стены есть, и в то же время их нет. Их прозрачность и мягкий

холодный свет, льющийся изнутри, создает ощущение бесконечности. Свет отражается в бесчисленных гранях, образуя новые коридоры и новые пути.

... лабиринт утерянных судеб... – проносится в голове мелодичный голос ее проводника.

Рука скользит по одной из граней. Только что она думала, что это стекло или сгусток воздуха, а что, если это огромные пласты льда? И его отдельные крупинки сверкают россыпью бриллиантов? Вот и снег закружился вокруг. Крупные пушистые хлопья падают на ресницы, замирают на мгновение, утомленные долгим полетом, и тают, тихо оседая и сворачиваясь в прозрачные капли.

Ее спутник молчит. Куда они идут?

Смотрите! Да ведь там люди! Там, за стеной, за глыбой льда. Она устремляется к ним, припадает к обжигающей холодом искрящейся поверхности. Сквозь летящий снег она видит детские фигурки. Девочки, мальчики, яркие шапочки, длинные шарфики, круглые снежки, зажатые в пестрых варежках. Грань, к которой она прижимается замерзшим носом, скользит вбок, фигурки разворачиваются. Бледные лица искажены болью. Ясные глазки наполнены страданием. Маленькие рты кривятся от беззвучного, застрявшего в горле крика. Они бездвижны. Они застыли в ледяной глыбе, замерзшие навеки кристаллы воды окружили их со всех сторон, сковали движения, отобрали воздух, втянули в себя их тепло...

Ладонями она бьет по стене, отделяющей ее от несчастных. Нужно пробиться, нужно помочь. Сердце бешено колотится в груди. А ладони скользят, стынют, ноют от боли и досады бесплодных попыток. Почему прозрачная преграда не хочет разбиваться?

... Их не спасти...

Властный голос сковывает сознание. Свет меркнет, и теперь за стеной никого нет. Никого и ничего. Нет снега. Нет льда. Лишь бесконечный коридор и неоконченный путь.

С послушностью марионетки она следует дальше за тем, кто ведет ее по лабиринту утерянных судеб. Бурлящие волны пространства разбиваются о прозрачные плиты пола. Размеренные шаги тонут в беззвучии, растворяясь среди лазурных сводов границ времени. И ничто не тревожит ее души. Все представляется закономерным и единственно возможным. Очарованная тайной бесконечности, она стремится вперед, туда, куда зовет ее прекрасный голос, похожий на рокот прибой и на звонкую песню серебряных капель дождя.

Он обещает покой, он дарит вечность – ее тайное желание, ее давнюю мечту.

Она проснулась от шелеста дождя, трепет вздрагивающих от его прикосновения листьев разбудил ее. Мягкий свет, просеянный сквозь тысячи алмазных капель, сыплющихся сверху, напомнил ей о приходе нового дня. Открыв глаза, она лежа долго наблюдала за тем, как природа предается гру-

сти. Крупная капля, приземлившись на окно, слезой стекала вниз, подхватывая по пути мелкие брызги дождя, осевшие на стекле.

Новый день. Значит, те прекрасные видения были не более чем сном.

Ее пронзительно-синие глаза подернулись дымкой разочарования.

С печальным восторгом она глядела, как полощется зелень листвы, как по темному асфальту дорог волнами пробегают потоки вскипающей воды, как, поднимая фонтан брызг, под окном проезжает с приглушенным шуршанием шин, автомобиль. Она всматривалась в размытые очертания улиц, размякшие силуэты домов.

Потоки воды образовывали замысловатый лабиринт. Она закрыла глаза и вслушивалась в шаги дождя, чувствуя, как лицо обдувает теплый ветерок, ощущая легкое прикосновение губ к своим губам. Дождь, влетавший в распахнутое окно, нес с собой меланхоличный напев:

Тайрья. Я буду звать тебя Тайрья...

Часть 2

Оказавшись следующей ночью в пустой галерее, Тайрья не ощущает смятения. И пусть завтра с рассветом все исчезнет, она уверена, что не спит. Ни тени удивления не вызывает у нее появление белокурого юноши, ее вчерашнего проводника, ее нового друга. Она ждала его. Девушка доверяет ему безоговорочно, хотя подозревает также, что доверять

ему ни в коем случае нельзя.

Теперь они идут по галерее вместе. Серые мраморные колонны проплывают мимо. Луна неровным светом заливает их путь. Свет скользит по ребрам колонн, падает бликами на идущего рядом.

Он пронзительно красив. Взгляд его огромных, бесконечно печальных глаз пронизывает душу острым болезненным чувством. Он прекрасен, как ангел. Падший ангел. Ведь насколько он прекрасен, настолько и порочен. Об этом говорит музыка его дыхания. В этом уверяет его улыбка: опасный блеск острых зубов, притаившихся за иронично изогнувшимися тонкими губами.

Каскад мрачных округлых арок почтительно расступается перед идущими. За опорными столбами темнеет сад. Мелодичный шелест серебристых олив доносится до напряженного слуха.

... Нет музыки прекрасней звуков ночи...

...Нет тайны величественнее, чем ее тайна...

...Слышишь ее песню?..

Белые цветы жасмина, снежными хлопьями облепившие тонкие ветви, покачиваются в такт шагам скользящего по саду теплого ветра. Легким прикосновением нежной руки он снимает со вздрогнувших в чувственном порыве веток цветы, и душистый снег застигает его остывающие следы.

Ветер пролетает под затененными сводами и на мгновение останавливается рядом с Тайррэй, пытаясь подстроить-

ся под темп ее шагов. Он приводит в беспорядок ее волосы, и она изящным жестом убирает их с лица; он раздувает полы плаща ее спутника, ее падшего ангела, укрывшего голову широким капюшоном.

По обе стороны пути на них поглядывают странные создания, расположившиеся в пространстве между колонн. Это грозные каменные гаргульи с когтистыми лапами, будто только что присевшие на белые плиты; они расправили крылья и собираются вот-вот взлететь снова. Это седые монстры со львиными гривами; они пружинят и готовятся к прыжку.

Прекрасные девушки, похожие на греческих богинь, смотрят задумчиво на запыленную луну, сыплющую серебряный дождь на тонкие черты их бледных лиц.

Юноша выпускает руку Тайрьи из своей и подходит к одной из них. На мгновение его фигура в мрачном широком плаще застывает около безмолвной статуи. Заглядывая испытующе в ее невидящие глаза, он мягко касается ее каменной щеки. Будто зачарованный ее совершенством, проводит по прямому носу, пухлым приоткрытым губам.

Обернувшись, он ловит удивленный взгляд Тайрьи. Взбодренный ее замешательством, скользнув в тень, оказывается за спиной каменной девушки. Белизна его пальцев, плотно обтянутых перчаткой, резко контрастирует с чернотой просторного одеяния.

Луч лунного света выхватывает из темноты его хищную улыбку и искрящиеся азартом глаза. Тонкие пальцы осто-

рожно опускаются на сияющую лунным бликом округлость груди – алебастр изящной руки, дарящей ласку холодной белизне мрамора.

Тайрья готова поклясться, что каменный бюст судорожно вздымается и падает в такт уверенным движениям.

Черным крылом мелькнувший шелк плаща струится складками по плавному изгибу, обнажая гипсовую белизну согнутой в колене ноги статуи. Переместившись к другой фигуре, падший ангел обходит ее вокруг, скользя по ней цепким взором. Кончиками пальцев, мимолетно порхнувших по бедру, касается тонкой шеи неподвижной девушки. Пальцы плавно движутся к хрупким ключицам, замирают на плече. Закрыв глаза, он прижимается щекой к резным локонам. С видом искусственного ценителя, с блаженством ловящего пряные ноты редкого сорта вина, он медленно втягивает воздух, будто его пьянит аромат волос и запах юной кожи.

Но через секунду он без сожаления покидает прежнее место и протягивает руку обескураженной Тайрье, приглашая ее следовать за ним. И только теперь она замечает, что они дошли до конца галереи и стоят на пороге огромного зала, залитого жарким светом тысячи свеч.

Ее молчаливый спутник, скинув плащ, остается в камзоле багрового цвета с черной розой в петлице. Они танцуют, кружась в вихре огней, подхваченные легким ароматом цветущей сирени, опьяненные звуками вальса, как шампанским вином, заволакивающим туманом мысли, оставляющим на

губах обжигающий вкус поцелуя.

Был спокойный июльский вечер. Такие вот теплые вечера всегда наполнены музыкой и весельем, праздностью и безмыслием. И хотя обстановка была очень располагающей к шатаниям всей компанией по приветливым улицам города, шуткам сидя на дворовых лавочках и романтическим вздохам где-нибудь в уединении ото всех остальных, друзья еле вытащили нашу общую знакомую на открытый воздух. Придя к ней домой, они были немало поражены, как сильно она изменилась за какие-то считанные дни. Ну, конечно, все знали, что их подруга частенько бывала задумчивой, но настолько потерянную, с траурным лицом и тихую, как тень, ее еще никогда не видели. Все сразу предположили: что-то случилось. И удивились еще больше, когда узнали, что вроде бы и не произошло ничего. Тогда нечего раскисать, справедливо отметили они и решили сегодня сделать все возможное, чтобы все-таки развеселить новоиспеченную царевну-несмеяну.

В скверике стоял ровный и непрерывный гул, сложным образом соединявший визг тормозов и рев моторов проезжающих рядом автомобилей, лай и возню суетившейся неподалеку собачонки, а также изредка приносимые с соседней улицы звуки включенного отбойного молотка и, конечно, болтовню ее друзей. Опущенный взгляд по инерции ловил никому не нужные незначительные детали: шероховатую ка-

менистость почвы, втоптаннные в землю грязные крышки от пивных бутылок, где-то проржавевшие насквозь, где-то еще блестящие новизной краски, круги от дождевых пузырей, давно лопнувших в высушенной за день луже с зубчатыми краями, припудренными цветочной пылью. Авиалайнерами взлетали и оседали неподалеку непогашенные сигаретные окурки. В пластиковом стакане, белом и уже слегка помятом, периодически появлялась и исчезала какая-то жидкость, пахивавшая спиртом. Ей было все равно. Ее не интересовало ни где она сидит, ни что пьет, ни даже то, кто ее окружает. Хотя нет, лучше бы эти субъекты ушли и оставили ее в покое, ведь ей так нужны тишина и покой.

– Давай нашу любимую! Поем все вместе!

Ну вот, теперь они, как петухи, повскакивали на лавочки и пытались изобразить одурелыми голосами нечто похожее на песню:

– Мы видели каку... ежа и последний трамвай¹...

Она зажала ладонями уши, лицо исказилось на мгновение, будто отбойный молоток работал не где-то, а прямо в ее голове.

«Отпустите домой, зачем вы меня мучите? Что я здесь делаю? Зачем мне это все? Моя жизнь бессмысленна. Ваша жизнь бессмысленна. Все наше существование настолько мелко и мимолетно, но вы, неужели вы, мои друзья, тоже не замечаете этого, как и те, кто скользит сейчас мимо,

¹ Искаженные слова песни В. Цоя «Видели ночь»

погрузившись в свои мелочные заботы? Неужели алкоголь дает вам чувство значимости того, что вы делаете? Неужели это прибавляет смысла в вашу жизнь? Я не верю. Вы просто прячетесь от этого гнетущего ощущения за веселостью и туманом алкогольных паров».

Часть 3

В сонное сознание Тайрьи просачивается звук льющейся воды. Сначала он похож на тоненький ручеек, но постепенно, по мере ее пробуждения, он набирает силу, и теперь ее слух уверяет, что где-то очень близко бушует не иначе как водопад.

В камень стен вгрызается сильный ливень. Он бьет искося, будто хочет стереть с лица земли мешающее его вольному размаху строение. Сон прошел, и его сменило любопытство. А за ним пришла растерянность, потому что проснулась Тайрья совсем не в той комнате, где давно привыкла встречать рассвет, а в чужой, незнакомой. Чужая широкая кровать возвышается высоко над каменным полом. Ее деревянная спинка выпукло морщится вычурной резьбой. Неровные стены прикрылись, стыдясь паутины и пыли, старыми, отцветшими гобеленами.

В полукруглое без стекол окно врывается ветер. Он несет с собой холод и далекие удары колокола, отмеряющего время. Тайрья подходит к окну и выглядывает наружу. За плотной стеной дождя ничего не разобрать.

Среди старинной мебели она замечает отблеск зеркала,

накрытого бархатной с кистями занавеской. Ткань падает на пол, и в зеркале, представшем во всю длину своей глади, она не находит себя. Как это возможно? С начищенной до блеска поверхности на нее осторожно-изучающе смотрит женщина в просторной, со складками белой сорочке. Ее волосы подобны бушующему пожару. Огромные глаза цвета спелой черешни блестят оживленно, даже взволнованно. «Кто эта незнакомка и что она делает здесь? Нет, точнее, что я делаю в комнате, которая, без сомнения, принадлежит ей?»

Тайрия протягивает навстречу женщине руку, та тянет к ней свою. Их ладони соприкасаются, но вместо живого тепла девушка чувствует лишь озноб от прикосновения металла.

«Кроме меня здесь никого нет», – понимает она. Приходится верить, что огненно-рыжая незнакомка и она сама – это один и тот же человек, и то, что скрывалось под складками бархата, действительно зеркало.

Тут до нее доносится пение. Хор. Мужской хор. Она в монастыре? Но убранство комнаты не похоже на келью монаха. Тогда откуда слышатся эти голоса?

Тайрия идет навстречу звуку. Узкие коридоры открывают перед собой свои каменные объятия. Газовые факелы чадят, заполняя желтым маревом все пространство от пола до высокого потолка. Она идет долго, босые ступни зябнут от прикосновения к ним холодных истертых временем плит, но хор не хочет показываться на глаза. Он то стихает, то запекает вновь, изводя ее собственной же нетерпеливостью.

Чугунные решетки, заросшие бахромой пыли, обтянутые, как пальцы перчатками, паутиной, с грохотом поднимаются перед девушкой, приглашая пройти, будто заманивают в ловушку.

Где бы она ни шла, вокруг постоянно шелестит шепот. диалог мужчины и женщины. Говорящие не видны, их нигде нет. Отчего же отзвуки их голосов следуют за ней повсюду?

Жалобный шепот француженки напоминает о данном ей обещании, просит пощады. Но тяжелый бас не умолим: время пришло. Он снова и снова повторяет это.

Женщина призывает вспомнить о любви, еле слышно шепчет о страхе.

Но ее невидимый собеседник остается глух к отчаянным призывам.

Чужое сбивчивое дыхание, следующее по пятам, подгоняет идущую. Страх незнакомки передается услышавшей ее девушке. Страх заставляет бежать. Все быстрее и быстрее. Он грозитя настигнуть, смять, раздавить.

Впереди яркий свет. В уши бьет оглушительный рокот звуковой волны. Он заставляет согнуться, зажав ладонями уши. Кажется, цель уже близко.

Просторный зал. Длинные узкие окна. Тайрря медленно движется вглубь зала, запрокидывает голову. От высоты, на которой находится частокол опорных балок и перекладин, идет кругом голова. Горящие свечи расставлены на полу. И никого нет. Лишь обрушившаяся сверху мертвая тишина.

Огоньки образуют правильный круг. Девушка перешагивает невидимую границу, и теперь свечи окружают ее со всех сторон. Она растерянно оглядывается.

Неизвестно откуда, прямо из окон, прямо сквозь стены просачиваются похожие на зомби фигуры монахов. Со всех сторон Тайрья видит их угрюмые лица. Обрывки грязно-белых мантий, одинаковых у всех, раздувает ползущий по полу ветер. Нет, это не мантии, это вообще трудно назвать одеждой: лохмотья, еле прикрывающие старые ссохшиеся тела. Мешки с костями, обтянутыми дряблой кожей, источающие омерзительный запах гниющей плоти, окружают ее, жмутся ближе.

Быстрее бежать, пока не поздно!

Отчаянная попытка. Взрыв бешеного пульса в висках. Агония бессилия. Эти истлевшие, источающие пронзительную вонь вскрытых могил, чудовища впились в нее бульдожьей хваткой. Они рвут в клочья ее одежду, больно царапают кожу длинными и прочными, как сталь, когтями, пока она безуспешно вырывается из цепких объятий. Тайрья, издав вопль отчаянья и горькой досады, замирает на мгновение, перевести дух. Теперь совершенно очевидно, что бежать уже поздно.

Слишком поздно. Выход загорожен громадной, как скала, мужской фигурой. Полы черной сутаны плавно скользят по воздуху при каждом его шаге. Он медленно, хищно подбирается к ней. Внутри все сжалось в плотный комок, если бы

могла, она сжалась бы вся, превратилась в песчинку, забилась в щель в полу, лишь бы не попасться ему на глаза. Но теперь слишком поздно. Теперь черный монах приближается к ней с неотвратимостью бури, и удушающая атмосфера ужаса сгущается вокруг, парализуя мозг.

С видом ястреба, наметившего жертву, он вынимает из складок сутаны длинный плетеный кнут с резной костяной рукоятью. Ядовитой змеей разворачивается тонкое кожаное плетение. Затяжной и одновременно четкий щелчок аккуратно срезает горящие на полу свечи. Ровно по кругу распространяется огонь, стягивая плотнее в кольцо тех, кто окружает пленницу. Монахи запевают вновь. Тайрья готова поклясться, что слышала именно их. Нет выхода. Огонь горит все жарче, его стена все выше. На мгновение, на ничтожное мгновение, пламя расступается, но не чтобы дать ей последнюю надежду на спасение, нет, только лишь, чтобы довести ее отчаянье до степени безумия – пропустить черного монаха в центр ловушки.

Обжигающая молния удара – и мир, перевернувшись, застывает вверх дном. Каменные плиты холодят кожу щеки и ладоней. Оцепеневший взгляд подмечает шероховатости и песок на полу, трещины в камне. Но болевой шок длится недолго.

Еще один рывок, последний и отчаянный. Опять цепкие и костлявые пальцы, покрытые язвами и струпьями. Они тянут назад, они жмутся ближе, от их гнилостного дыхания пере-

ворачивается все внутри. Тайрья извивается ужом, пинается голыми пятками, брыкается, оказавшись крепко зажатой и приподнятой над полом одним из противников, подобравшихся с тыла.

– Грязные ублюдки! Отпустите меня!

За потасовкой наблюдает молчаливый монах. С затаенным интересом он разглядывает, скрестив на груди руки, покрасневшее лицо девушки, разметавшиеся по плечам огненные вспышки, разорванную рубашку и мелькающие между обрывков полотна участки обнаженного тела. Медленно, уверенно, по его лицу проползает довольная ухмылка. Ее гневные вопли – музыка для его ушей. Она горячит кровь, она заставляет сердце биться чаще и сильнее. Но даже музыка приедается, а музыканты выбиваются из сил.

Свист кнута скрутил руки Тайрьи, больно врезался в кожу. Монах рывком притянул невесомую фигурку девушки к себе. Впился в ее губы. Снова боль. Острая, горячая, пульсирующая. Монстр в сутане урчит, как зверь, вгрызается глубже в мягкую плоть. Язык жжет непривычная горечь. Раскаленным лезвием она шарит по ее рту, оставляя в нем зудящие несмываемые пятна, запах гнили и привкус сырого мяса. Ее тело сотрясают конвульсии отвращения. Лицо искажается подавленным всхлипом. Вот он, наконец, оторвался. Тайрья презрительно сплюнула в ответ. Почему взглядом нельзя убивать? Почему его громогласный хохот теперь сотрясает весь зал? Так, что горящие повсюду свечи дро-

жат и приплясывают? Бурая масса слюны, смешанной с кровью, пузырится, сползая с его лица. Он самодовольно хохочет. Это невыносимо. Мерзавец продолжает смеяться, подняв руку, держащую рукоять кнута. Резкое движение – взрыв в виске. Зеленовато-бордовая тина заполняет все вокруг, течет, расплывается. Заглушаются звуки. Гаснет тускнеющий свет. И нет ничего.

Или почти ничего. Откуда-то издалека периодически доносится свист рассекаемого воздуха, и видится, будто огромный черный ворон парит под грозовыми тучами, изредка взмахивая крыльями. А еще дерево, высокое, с рыжей корой и узловатыми ветвями. Оно одиноко построилось на самом краю серой, залитой дождем скале. Густой синий воздух разрезают вспышки молний, и ворон лавирует между ними. Молния попадает в листву – птица радостно и хрипло вскрикивает, и теперь Тайрья видит, что это вовсе не дерево, а она сама, и языки электрических разрядов лижут ее обнаженную кожу. А ворон, раздувшийся до необъятных размеров, хохочет над ней, заслоня крыльями стальное небо. И вот уже везде, со всех сторон, лишь черные перья, чернота, мрак, глубокий, нескончаемый...

Постепенно сознание начинает возвращаться. Маленькими неуверенными шагами ребенка, впервые пробующего ходить. Они проникают в ее ослабевшее тело тоненькой струйкой родниковой воды сквозь мутную темень болотной жижи. Назойливый звон в ушах, похожий на вокальные упраж-

нения комариного роя, не дает сосредоточиться. Чернота не уходит из глаз. Она никуда и не исчезнет, потому что глаза обмотаны черной лентой, кожей лица Тайрья чувствует шелковистое тепло плотной ткани. А еще она чувствует, как саднят живот, грудь, плечи, будто представляют собой одну сплошную рану. Тупая игла страха пронзает висок, холод вороватым зверем пробегает где-то глубоко внутри. «Что они со мной сделали?» Догадки одна ужаснее другой обрушиваются многотонным грузом на зыбкую основу сознания. Оно испуганно вздрагивает и тает во всепоглощающей трясине небытия.

Свесив голову набок, Тайрья безучастно прислушивается к происходящему вокруг. Она не в силах ничего изменить. Даже пошевелиться: руки скручены за спиной колючей жесткой бечевкой, которая режет запястья, перетягивает кровеносные сосуды. Тайрья почти не замечает этого, также как не замечала бы жужжания надоедливой мухи. Даже бояться уже не в силах. Опираясь о шершавый столб, к которому привязана, ловит звуки без какой-либо надежды. Она давно бы осела на холодный пол и забылась бы в тяжелом сне, но столб и веревки не позволяют даже этого.

Хор поет не смолкая:

Amore et Morte

In the thick evergreens

Theirs was a chorus for raucous souls
Shifting shape and lifting napes
To commemorate erotic stains
Amore et Morte...²

Одни и те же слова, которые она выучила наизусть, да только не знает их смысла. Когда голоса переходят в восторженный шепот, до слуха долетает тихий шелест дождя.

Металлическое острие легко, но уверенно касается бедра. Холодок пробегает от пят до макушки.

– Что еще вам от меня надо?! Отпустите, скоты! Хватит ваших дерьмовых фокусов! С меня хватит!

Но кричать бесполезно.

Острие неумолимо давит на кожу, и та послушно поддается напору. Нос втягивает пьянящий терпкий запах собственной крови. А наточенный металл продолжает жадно впиваться в обмякшее тело. Тайрья смутно, точно сквозь плотную завесу, которая разом заволокла все дымом, апатично фиксирует происходящее. Нечто острое делает поворот глубоко внутри и исчезает. Но ненадолго. Вскоре оно втыкается совсем рядом с прежней раной. Хор поет с большим жаром, особенно пылко выводя последнюю фразу в каждом куплете. Звук грубых голосов переходит в лавинообразный грохот. Лезвие чертит на ее бедре нечто крестообразное. Затем рядом выводит что-то еще, и еще, и еще... Они расписыва-

² Слова из песни группы «Cradle of filth» «Amore E Morte»

ют ее тело какими-то символами. Так вот откуда эта саднящая боль, это жгучее соленое тепло во всем теле. Внезапно Тайрью охватывает такое тошнотворное отчаяние, будто душу рвет, выворачивает наизнанку. Бессилие – самое омерзительное чувство. Но это еще не все. Она наивно предположила, что на этом ее несчастья закончатся. Ошиблась. Это только начало. Теперь ее изрезанную плоть терзает нечто более мягкое, чем кинжал, и нечто более горячее, чем кровь. Там, где оно касается, тело покрывает корка зуда. Оно берedit ее раны, оно жжет сильнее раскаленных добела клещей. Оно жадно всасывается в письма, покрывающие ее. В каждый символ. Оно возбужденно трепещет, водя своим шершавым кончиком вокруг каждой раны. У этого нечто есть хозяин. Он наклоняется к ней так близко, что от его смрадного дыхания к горлу подступает тошнота. Горячий влажный воздух бьет в ухо:

She screams benighted
My limbs ignite
A carneal carnivore
On all fours to go...³

Эта мерзкая тварь с острыми клыками, больно царапающими кожу, с наждачной бумагой вместо языка, нагло забавляется беспомощностью своей жертвы. Под самым потол-

³ Слова из той же песни группы «Cradle of filth»

ком проносится белая чайка вопля, и лишь по напрягшейся гортани Тайрья понимает, что этот крик принадлежит ей. А ОНО, это существо, это ненасытное чудовище, слизывающее кровь, ее кровь, оно испытывает острое наслаждение от ее отчаянья. Оно ловит каждую слезу, соскальзывающую с ее щеки. И она кожей чувствует, как оно улыбается.

Часть 4

В сонное сознание Тайрьи просачивается звук льющейся воды. Сначала он похож на тоненький ручеек, но постепенно, по мере ее пробуждения, он набирает силу, и теперь ее слух уверяет, что где-то очень близко бушует не иначе как водопад. Вода бурлит, вскипая, бьется, мечется запертым в клетке зверем, пытаясь разорвать узкие стенки водостоков. В камень стен вгрызается сильный ливень. Он искоса бьет по стене, будто хочет стереть с лица земли мешающее его вольному размаху строение.

Вокруг бушует баховская токката, орган гудит, стонет, дрожит, взмывает ввысь в трепещущем волнении и устремляется вниз, придавленный настойчивой страстью басов. Бах везде, дыхание органа вторит ее дыханию, или ее дыхание вторит властной царственной мелодии, биение сердца замирает при каждом новом витке музыкальной нити, оно стремится влиться в звучащую мелодию, неотрывно следовать за ней по спирали сюжета, задуманного творцом. И все, кто сидит рядом в необъятном концертном зале, уподобившимся океану, они также потонули в волнении и необъяснимой тос-

ке, которую открыл в их сердцах музыкант, в ярости вдохновения ставший с поющим инструментом единым организмом. В ливне искрящегося света и бархатистых бликов бордовых кресел сердца людей рождаются заново, и все, кто окружает Тайрю, и она сама, открывают вновь себя. По залу волнами перекачивается шорох аплодисментов и Тайрия также поднимает ладони, но натывается на покрывало, и тут зал куда-то исчезает, растворяется вместе с остатками сна.

Сон прошел, и его сменило любопытство. А за ним пришла растерянность, потому что проснулась Тайрия в чужой, незнакомой комнате. Или знакомой? Какое-то непонятное чувство закралось в сердце. Должно быть, именно его имеют в виду французы, произнося слово «дежавю». Чужая, но отчего-то знакомая, широкая кровать возвышается высоко над каменным полом. Ее деревянная спинка выпукло морщится вычурной резьбой. Каменные стены прикрылись, стыдясь паутины и пыли, старыми, отцветшими гобеленами.

В полукруглое без стекол окно врывается ветер. Он несет с собой холод и далекие удары колокола, отмеряющего время. Тайрия подходит к окну и выглядывает наружу. За плотной стеной дождя ничего не разобрать. Смутное волнение охватывает ее, она мечется по комнате, сама не зная зачем, для чего, что она ищет, может быть, выход, а может быть, наоборот, вход. В то измерение, в тот временной пласт, в котором она непременно должна оказаться здесь и сейчас, но который почему-то закрыт, он спрятался от нее и не хо-

чет показываться на глаза. Тайрия знает: сейчас что-то произойдет. Хорошо, если это что-то окажется целью ее поисков, ее спасением, а если нет? Если произойдет нечто страшное и непоправимое? Что тогда? И нет сил ждать, когда, наконец, взвинченное до предела напряжение обретет формы того, что вот-вот станет осязаемой реальностью.

Среди старинной мебели глаза натываются на отблеск зеркала, накрытого бархатной занавеской. Вот оно. Сейчас ткань упадет на пол, и в зеркале, представшем во всю длину своей глади, окажется не она сама, а незнакомая и уже знакомая Тайрии француженка, чей диалог с незнакомым и уже знакомым мужчиной она услышит в коридоре. А потом с ней случится нечто ужасное... Стоп, это случится с ней в смысле с ней или с той рыжеволосой женщиной с огромными карирами глазами?

Тайрия стоит посреди комнаты перед занавешенным зеркалом, тербит бахрому, сплетенную в кисти, и никак не решается сдернуть накидку. Она бы и вовсе оставила это зеркало в покое, что-то подсказывает ей, что за ним кроется какая-то опасность, и все же именно эта опасность заставляет вздрагивать в непонятном непривычном смятении и будоражит кровь ожиданием. В то же время Тайрия прекрасно осознает хотя почему, объяснить не может, как и всякое другое утверждение, основанное не на логике, а на интуиции, но так или иначе, а это и есть тот вход или выход, который она так настойчиво ищет.

А тот мужчина, который спорил с француженкой властным басом, это, случайно, не тот?... Тайрья инстинктивным движением подняла ладони вверх, осмотрела себя, насколько позволяло отсутствие зеркала. Крови нет. Должно быть, этот факт должен приносить нечто вроде удовлетворения или успокоения. А почему ее нет? Ведь если верить тому, что только что пронеслось воспоминанием и растворилось в холодном воздухе этой комнаты, если этому верить, то это нечто ужасное происходило с ней. А тот мужчина... Впрочем, к черту того мужчину, если воспоминания о нем настолько болезненны. А откуда ...французский?

Тайрья осторожно потянула за край накидки. Сейчас ткань упадет на пол, и в зеркале, окажется она, то есть в данном случае действительно она, потому что все, что сейчас напомнило о себе – это не ее прошлое, это то, что случилось с той женщиной, которая была здесь до Тайрьи, а это значит, что ее прошлое – это ее будущее.

Тайрья рванула накидку вниз. Бежать. Скорее. Пока не поздно. Из зеркала прямо в глаза смотрят ее глаза. А из глаз выглядывает страх. Страх абсолютно новый по своей природе, потому что это страх перед уже известным. А по существу, весь клубок эмоций, опутавших ее в данный момент, сводится к одному – страху перед болью и смертью. Это настолько тяжело – смотреть в собственные глаза, полные страха. Сорванный со стены гобелен в массивной раме устремляется с разлету в отшлифованную поверхность, услужливо от-

ражающую все что угодно. Самое время услышать звон разбивающегося на мельчайшие осколки стекла, увидеть, как они скачут по полу, отплясывая румбу, самое время накрыть уши ладонями и наблюдать за каскадом стеклянных капелек, в которые должно было превратиться зеркало. Но кроме отразившегося чудовищным эхом, пролетевшего по всем коридорам, заглянувшего во все закоулки, грохота повалившейся на пол сломанной мебели и волнообразного лязганья и гуденья серебряного листа, воткнутого в раму, ничего не последовало.

Но зато это наиболее эффективно призвало Тайрью перейти от эмоций к действиям, и вскоре по коридору уже мчались шелест и шлепанье босых ног и надрывное дыхание, перехватываемое спазмами ужаса. Она бежала и бежала, а гулкое эхо то раскатом грома, то еле слышным шелестом ветра повторяло быстрее, быстрее, быстрее... Ее сознание безудержно рвалось вперед, и Тайрье казалось, что ноги несут ее слишком медленно, что она топчется на месте, тогда как будь у нее крылья, она бы полетела быстрее ветра. В старинном замке-монастыре происходило нечто странное, и даже сквозь плотную корку ужаса Тайрья ощущала вибрацию каменных стен и гудение воздуха над головой. Быстрее, быстрее... Сначала ей стало казаться, что стены ожили и дышат, прямо ей в лицо. А потом ей перестало казаться, потому что это действительно происходило. Стены смыкались перед ней, она разворачивалась и бежала по другому коридору, но

и там ее настигало нечто неожиданное: ход назад могло засыпать внезапно обрушившейся каменной перегородкой или часть стены отодвигалась в сторону, загораживая прежний ход и открывая новый. Чугунные решетки, жившие своей особой жизнью, поднимались и опускались, пропуская или задерживая беглянку. Быстрее.... Когда от оглушительного грохота дрогнул пол, и Тайрью окатило волной пыли и песка, и она поняла, что дорога вперед в очередной раз отрезана, она принялась торопливо спускаться по лестнице. И тут же резко остановилась, вцепившись в ажурные перила. Ступенька, куда она собиралась только что поставить ногу, на глазах осела и провалилась вниз, открыв, как пасть хищника, зияющую пустотой пропасть. Подавив инстинктивно рвавшийся откуда-то изнутри вопль, она попыталась перешагнуть образовавшуюся брешь, но камень задрожал и начал осыпаться, и вскоре ей пришлось подняться обратно, так как лестницы уже не существовало, она осыпалась прямо из-под ног. А тяжелая решетка оказалась открыта. Не раздумывая, Тайрья бросилась вперед, смутно подозревая, что обвал на этом может и не закончиться. Сама не помня как, она миновала еще несколько поворотов и отпертых чугунных дверей и влетела в просторный зал, показавшийся ей сначала бушующим океаном алой крови, и Тайрия не сумела сдержать громкий вскрик, нечто среднее между возгласом восхищения и последним всхлипом загнанной в угол жертвы.

«Вот я и умерла», – пронеслось в ее голове. Но нет. Ступ-

ни по-прежнему ощущали холод, идущий от каменного пола, легкие втягивали прохладный воздух, перемешанный с озоном и ароматом жасмина, глаза все еще различали формы и краски.

– Бедное, бедное дитя. Бежит, задыхаясь от ужаса. Ты бежишь от своих желаний, маленькая несмышленная девочка, ты бежишь от самой себя. Оглянись назад. За тобой никто не гонится. Твой страх гонит тебя, – внезапно раздавшийся голос был настолько приятен, что Тайрья сразу захотелось ему поверить. Он ласкал ее слух, также как дуновение теплого ветра ласкает кожу холодной весной. И тут Тайрья поняла: это не ночной кошмар. Это же тот голос! Это он! Он не бросил ее, он пришел за ней!

Тайрья покружилась на месте, пытаясь понять, откуда исходит звук. Вокруг колыхались, вибрировали, пульсировали кровью алые волны багряных лоскутов, полощась в загустевшем винно-красном воздухе. Шелк или атлас, или сатин. Темно-вишневые и карминно-красные ленты извивались и приплясывали меж струящихся складок и узких прорезей ожившей ткани.

– Бедное дитя, ты потеряла себя в этом жестоком и абсурдном мире...

Тайрья уловила едва различимое движение воздуха откуда-то сбоку, будто чье-то дыхание, но, резко обернувшись, успела увидеть лишь промелькнувшую и растворившуюся в ливне рубиновых искр тень.

– Ты будто скользишь по пласту льда, тщетно ища опоры собственным устремлениям. Ты ищешь путь в другой мир, в тот, где птицы будут петь беззаботно, а ручьи будут вторить им звонкими колокольчиками. Я знаю, где его искать. Протяни мне руку, и ты сможешь увидеть свою мечту сама.

Казалось, что голос трепетал при этих словах также как эти пурпурные драпировки, слегка вздрагивающие от скользящего мимо них потока воздуха или, может быть, от дыхания говорящего. Казалось, он был нигде и всюду. Тайрия следовала за ним по пятам, но каждый раз он ускользал, растворялся и появлялся уже в совершенно другом месте, за противоположной складкой атласа, мерцающего загадкой, за струящимся розовыми лепестками бархатным покрывалом, за дрожащим воздушным, невесомым коридором темно-вишневых лент. Тайрия видела, как он касается с противоположной стороны лоскута гранатового полупрозрачного шелка, молниеносно кидалась туда и обнаруживала лишь слабый знакомый аромат и покачивавшуюся от недавнего прикосновения ткань.

– Кто же ты? – выдохнула она, задыхаясь от волнения.

– Я проводник, – не сразу откликнулся ее собеседник. – Я приведу тебя к счастью.

– красный... – восхищенно прошептала Тайрия, оглядываясь вокруг.

– Твой любимый, – подтвердил голос. – Кто-то любит зеленый...

С этими словами все вокруг стало зеленым. Над головой зашуршала листва, и все потонуло в изумрудном свете проникающих сквозь листву лучей весеннего солнца. Беспечность заискрилась в воздухе цветочной пылью. А вслед за ней послышалось гудение шмеля.

– Другие обожают желтый...

Воздух всколыхнулся лепестками цветов: насыщенно-желтого цвета роз, лимонных нарциссов, бледных, как утренняя заря, астр, и скромных акаций, и дерзких маргариток, и экзальтированных гладиолусов, и непоседливой мимозы... И среди капель этого цветочного дождя ладьями скользили кленовые листья, позолоченные осенью. И все было забрызгано солнечным смехом...

А ты любишь красный, и я полностью разделяю твой выбор.

Пространство снова заполонило тягучее тепло, алые ленты огня и винные брызги пьянящей страсти. Тайрья хотела возразить, что вовсе ничего она не выбирала, но дыхание перехватил терпкий аромат сандала, и мысли вскружило и унесло, как молотую корицу неосторожным порывистым вздохом. Морской бриз скользнул по длинным волосам, окутал тонкую шею шелковым платком. Нежное тепло обхватило талию, мягко, но властно притянуло к себе. Пробежавшая по телу искра импульса вызвала легкую слабость и сладкую дрожь.

Семена страстности и азарта, до того пребывавшие в ана-

биоэ, покрытые плотной корой страха и нерешительности, пульсировали новой жизнью. Они взрывались миллиардом огненных брызг и высвобождали, подобные новым галактикам, ростки чувственности. Тонкие, еще слабые побеги, подпитываемые, согреваемые острыми лучами желания, тянулись, наощупь прокладывая себе дорогу, сперва робко, но затем все увереннее и настойчивее устремляясь вперед.

Тонкие пальцы скользили по молодому и сильному телу, на время превратившись в глаза и уши. Они видели звуковые волны вибрирующего альта, они слышали потоки дождя, заливающего иссушенные дыханием горящего гелия земли, клокочущего в широких весенних реках.

Крепкие руки подхватили и прижали к себе. Лицо погрузилось в ночной мрак его волос, источавших воздушный запах хвои и озона. Ноги ощущали каждый сделанный шаг, не свой шаг: через тепло напряженных мышц, их размеренный танец, толчки спружинивших от опоры ступней.

Издалека летели всплески падающих капель. Они питали корни разросшейся страсти, ее побеги обвивали обоих гибким вьюнком и осыпали цветами гибискуса.

Недлинный путь подошел к концу, горизонт прочертил вертикаль, и Тайрья ощутила, как ладони уперлись в мягкий и упругий ворс меха или мха рыжеватого цвета киновари.

Подняв голову и посмотрев вперед, Тайрья увидела колеблющиеся огоньки тюльпанов, но, возможно, это была поляна цветущих свечей. В лицо дунуло хрустальным звучанием

скрипки. Ее мелодия была похожа на нежное прикосновение лепестков розы. Приподняло, закружило в вихре звука и обрушило в лавину света, подхватившую их обоих, ставших вдруг легкими, как облака на рассвете. Они взмывают вверх, и, кажется, что сердце сейчас остановится, перешагнет границы тела и начнет существовать отдельно. Они срываются вниз, и пронзительный восторг отражается эхом звучания скрипки. И они не знают, сколько еще лететь в эту пропасть. Сладким дурманом пьянит страх разбиться, но бойкое соло виолончели гонит прочь опасения и заменяет их уверенностью нового взлета.

Вихрь чувств. Брызги эмоций. И, кажется, возможно все, лишь бы суметь унять безумие водоворота и хоть на миг обрести равновесие. Скорость близка к скорости света. Нет, она гораздо больше. И вот острые осколки холодных лучей теперь рассеяны в прозрачной черноте. Звучание сердца переходит в ультразвук.

Мозг пронзил медный звон удара, прокатившегося по мышцам почти болезненным спазмом.

Сознание вырвалось легкой сойкой из раструба усталой меди, скатилось каплей росы по гладкой поверхности лепестка и сорвалось вниз.

Часть 5

Тайри кажется, что ей снится сон. Но ведь она знает, что уже спит, а значит, спать, видеть сон во сне и одновременно осознавать это было бы абсурдно. Тем более что сей-

час ей совсем не хочется ничего осознавать. Она медленно погружается в нечто зыбкое, подрагивающее, обволакивающее дурманом, лишаящее способности мыслить. Оно плещется мраморно-синими волнами, на волнах играют блики, но они приглушенные, мягкие, как будто смотришь из-под воды. Нежность плещется внутри, теплом растекаясь по телу, вспыхивая искрами на кончиках пальцев. Тайрри представляется, что она лежит на дне океана, а вокруг, наверху, целый мир, и мир этот наполнен любовью, так же, как и она сама. Ей представляется, что это из нее исходит любовь и растворяется в океане, и постепенно океан насыщается ею. И что о любви шепчут волны, подкрадываясь к берегу. И их слова подхватывает ветер и поет о любви цветам, растущим на склоне берега. И цветы замороженно внемлют ему, осыпая землю звездной пылью и благоухающей росой. А чуть подалее в океан впадает горная река. Тайрри слышит, как она бушует, бурлит и пенится. Вода тяжело срывается с огромных черных камней и врезается в плещущие спокойствием волны, будит, будоражит их. Река говорит о страсти, ярко, звучно, будто поет испанское танго.

Река берет начало высоко в горах. Ледяной ключ в тени зарослей жасмина. Сначала он звенит подобно лютневой струне. Постепенно поток набирает силу, по пути в него впадают говорливые родники. И вот он уже гудит контрабасом, перескакивая мягко с камня на камень и урча хищным зверем. Пение птиц наполняет его воды игривостью. Терпко-

стью миндаля оседают на губах искристые брызги.

Минуя олеандровую рощу, река устремляется к отвесному утесу и ревушим каскадом летит вниз, рассеивая по отшлифованным камням обжигающие осколки прохлады.

Цепь горных кручин протянулась вдоль берега так далеко, насколько хватает глаз. Их вершины поочередно то темнеют махровыми шапками сосновых иголок, то пестреют листвой смешанных лесов, то подставляют ласковому солнцу гладкие проплешины. И если вскарабкаться на одну из них, то в буром песке можно заметить юрких ящериц, молниеносно проскальзывающих через сухие колючки редкой растительности. А если присесть у родника на склоне под трепещущей тенью оливковой листвы, его мелодичная песня зачарует настолько, что захочется остаться здесь навечно.

Спрятавшаяся за горами россыпь золотистых холмов тянется недалеко, и за ними вскоре начинается степь. Обширные равнины с зелеными, как малахит, лугами, с морями пушистых кисточек колышущегося на ветру ковыля, с прозрачными округлыми озерцами и заводным стрекотом кузнечиков.

А потом идет горная гряда терракотово-красного цвета с расселинами, природными арками, пещерками и крутыми отвалами. Там живут черные птицы с лазурными круглыми глазами-бусинками. Вечером они собираются стаями, рассаживаются на подрумяненных солнцем камнях и молчат, наблюдая закат. Они всегда молчат. А за грядой море. Огнен-

но-красные скалы вгрызаются в ртутно-черную толщу воды, образуют бухты и заводи. Там есть одна маленькая бухточка со скалой, нависшей над водой наподобие неглубокой пещерки. Когда садится солнце, по черноте беспокойной поверхности воды проскальзывают красные искры и ослепительно-белые блики. Они отражаются от сводов пещерки и внутри нее начинают блуждать огоньки. Но красивее всего наблюдать, как садится солнце, сидя на камне утеса под пышной кроной многовековой сосны с шершавой корой, залитой липкой смолой. Глядя с утеса, можно наблюдать, как солнце опускается ровно в середину моря. Оседает оно медленно, не спеша наливаясь, как созревающее яблоко, всеми оттенками красного, разбрызгивая алый сок по воде. У горизонта парят легкие облака, невесомые и нежно-розовые, как перья астрильда. Воздух пьянеет от тягучего маслянистого аромата магнолии, он наполняет мысли легкостью, он дарит умиротворение. Нежность плещется еле слышным шуршанием волн, набегающих на каменистый берег, она плещется внутри, теплом растекаясь по телу, и вспыхивает искрами на кончиках пальцев.

Часть 6

Виталий украдкой всхлипнул, глядя на сложенные в счастливой улыбке, безмолвные губы его любимой. Сколько раз он жаждал всей душой припасть к ним хотя бы на мгновение, опалить их сандалом арабского зноя, и пусть потом... А что потом? Теперь он уже никогда не узнает. Ему так и не

хватило смелости на дерзкий поступок, а теперь его грызет отчаянье. Теперь слишком поздно. Ею безраздельно владеет самая жестокая в своей неумолимости женщина – Смерть.

Виталию Смерть всегда представлялась строгой и печальной женщиной с тонкими и нежными руками. Она живет в стране грез и незаметно для людей наблюдает за ними. Она не ищет жертвы. Она – не хищница. Это прекрасная женщина с бездонными глазами и печальной судьбой. Она – вечная невеста ночи. Она не знает любви, в той полноте, какой знают ее люди, лишь трагическую ее сторону. Лишь только Смерть найдет свою любовь, как только обовьет любимый стан своими мягкими руками, заглянет с надеждой в глаза, и в глазах красавицы отразится пустота – ее любовь ускользает от нее, растворяется в ночи, тонет в реке забвения.

У Виталия появилась соперница. Она крепко держит его любимую в своих объятьях. Она будет властвовать ею безраздельно. Пусть мгновение, но за это мгновение сейчас он отдал бы все. За мгновение, которого у него самого уже никогда не будет. Он яростно смахнул слезу, предательски катившуюся по щеке. Как счастливо она улыбается. Ему она никогда так не улыбалась. Даже когда он приносил ей белые розы. Ее любимые.

Виталий скользнул взглядом по большому букету. Его не хотели пускать в палату. Он пробрался все равно. Утащил белый плащ из ординаторской и прошел с букетом в палату. На врача он похож не был, но его это не смущало. Медсестра

на вахте улыбнулась упрямому юноше, до того полчаса скандалившего с ней у входа.

Он любил всей душой всем сердцем, готов был... А на что он был готов? Так и не признался ей в своих чувствах, хотя это было и так очевидно. Но она всегда относилась к нему как к младшему братишке, хотя на самом деле он был старше по возрасту. Виталий всегда сносил это молча, никогда не пытался спорить. Боялся оттолкнуть ее еще больше. Боялся быть смешным, претендуя на ее любовь. Ему так хотелось быть хоть кем-то в ее жизни, пусть даже если это будет роль младшего братишки, преданного друга, всегда готового помочь, следующего куда угодно, лишь бы быть рядом, соглашающегося с чем угодно, лишь бы не быть или быть... быть тенью, быть эхом, быть кем угодно, лишь бы быть рядом. А теперь вдруг он подумал: может, стоило проявить характер? Может, стоило быть увереннее и настойчивее?

Врачи не могут понять, что с ней происходит. Она будто впала в летаргический сон или в кому, но исходя из строгого определения к ее случаю не подходило ни то ни другое. Ее родители еще надеются. А у него уже нет надежды. Это Смерть.

Он смотрел на ее алые губы. Второй день она не приходит в сознание. Сегодня случилась странная вещь. Когда Виталий зашел в палату, больная была в крови. Это не то, что порез на руке или еще что-то в том же духе. Она ВСЯ была

в крови. Все простыни пропитались кровью, потому что все тело представляло собой одну неразрывную рану. Он испугался. Он вызвал врача. Но когда тот пришел, ничего уже не было. Ни крови, ни грязной простыни, ничего. Врач смотрел на Виталия как на помешанного. Но ведь он видел это.

«Теперь меня будут считать сумасшедшим. Ну и пусть, – думал Виталий. – Ведь я знаю, что я это видел. Значит, это было. Одного не могу понять: откуда кровь, если теперь на теле не видно ни одной царапины? И куда это все делось, когда я вышел из палаты?» Виталий твердо решил, что теперь никуда не уйдет. Он будет сидеть здесь столько, сколько потребуется.

– С-ума-сшедшим, – произнес он так, как будто впервые слышал это слово, и оно вязким сиропом осело у него на зубах, – интересно, что значит быть сумасшедшим? Является ли это тем, что происходит со мной сейчас?

Ее губы пылали, как июльский закат. Размеренно гудели приборы. Этот случай с кровью все никак не мог оставить Виталия в покое. Здесь было что-то непонятное, сверхъестественное. Хотя Виталий не хотел признавать это. Разум всегда противится необъяснимому. Но, как бы то ни было, его любимая выглядела так, будто у нее не осталось ни капли живительного сока в организме. Щеки опали и втянулись, как у мумии. Под глазами залегли тени. Кожа светилась синевой. И лишь губы горели, как пламя в печи.

Виталий оглянулся. На подоконнике перед раскрытым ок-

ном стояла ваза с розами. Белыми. Что-то привлекло его внимание, какое-то едва уловимое движение, но он не мог понять сначала, что это за движение и вообще было ли оно. А потом не поверил собственным глазам. Вода в вазе была уже не водой, а багровой вязкой жидкостью, он боялся дать ей то название, которое так и напрашивалось. Эта безымянная жидкость поднималась по капиллярам цветов, и теперь белые лепестки были испещрены красными прожилками. Их сетка становилась все гуще и гуще, центральные артерии вздувались и норовили лопнуть, не выдержав напора. Виталию стало казаться, что они пульсируют. Он моргнул, но впечатление никуда не делось. Это действительно было. В момент, когда он зачарованно застыл, бездумно уставившись на подоконник (на цветы поднять глаза он уже не решался), налетевший внезапно порыв сквозняка захлопнул окно, рама со звоном и грохотом столкнула вазу, кровавые брызги разлетелись повсюду. Виталий, как громом пораженный, вскочил. Ужас дохнул на него ледяными иглами, схватившими за позвоночник, впившимися в затылок. Плотным одеялом навалились тишина. Все замерло. Безумно захотелось убежать, но ноги не двигались, и он так и оставался остолбенело стоять у постели. Запахло резким: уксусом или нашатырем. Слабость в ногах. «Мне дурно. Я сошел с ума». Сердце заухало, заскакало. Виталий продолжал стоять, дико озираясь, не зная, куда ему деться. Казалось, что стены смотрят на него, ошестинившись длинными ресницами, как зале-

денелыми шипами. В глазах стремительно темнело, залетали светящиеся точки и концентрические круги. В панике он схватился за руку любимой. Но она поразила его холодом, как электрическим током. Он с ужасом отпрянул, выпустив ее кисть из своих пальцев. В этот момент ее ресницы дрогнули. Отчетливо был слышен рокот прибоя. Виталий зажал уши руками, но так оказалось слышно еще громче.

«Я сошел с ума». Ресницы дрогнули еще раз, и глаза, черные, совершенно черные, распахнулись. В глазах была пустота. Виталий смотрел в нее и чувствовал, как пустота эта, безграничная и всеобъемлющая, переходит в него. Улыбка с ее лица исчезла, ее заменило неопределенное сладострастное выражение. Тело изогнулось, будто в истоме. Все это мелькало в застывших глазах Виталия, как мимолетные кадры из фильма, и на мгновение он усомнился: а не находится ли он сейчас в кинотеатре и не смотрит ли он кино, странное, фантастическое, но все-таки кино, и оно когда-нибудь кончится, он выйдет из зала и вздохнет облегченно, потому что эти видения окажутся не более, чем больной фантазией сценариста. Но нет, это было не так, и как бы не старался Виталий убедить себя в этом, все было так, как было на самом деле, то есть в действительности. И в воздухе той действительности, в которой он теперь находился, витал соленый бриз. В лицо ударили морские брызги. Девушка вздрогнула и замерла. Протяжно запищали приборы рядом. Тоскливо и монотонно. Виталий, обессилив, рухнул на колени.

«Вот и все. Тяните по экрану титры, включайте свет. Фильм под названием жизнь закончен».

Часть 7

Общий мрак изредка разрывает холодная вспышка голубой змейки огня. Плотная материя черноты сопротивляется ей, хрипит, но все же в ней появляются изломы и трещины. На мгновение она сдается, и коварное острое пламя растекается по ней, охватывает и тут же отступает, и мрак, мгновенно заживив свои раны, сгущается вновь. Не слышно ни вскриков чаек, ни стонов терзаемых штормом деревьев, лишь гулкой вой ветра, рычание грома, то дальше, то ближе, и звон стальных клинков дождя.

Запах озона смешивается с солью, осыпающей лицо серебристой пылью.

Рыхлый свинец облаков загромождает горизонт, цепляется за вершины скал, окруживших берег. Будто доисторические ящеры, пробужденные стихией, вскинули головы, выставили из воды остроконечные черные хребты. Повсюду среди обрывков пены мелькают, захлестываемые волнами, обломки клыков, разбросанные по берегу шипы и когти мертвых монстров.

В пепельных кружевах дымки теряются очертания высоких скал, о которые разбиваются стальные горбы волн. Разъяренным зверем океан набрасывается на храбро отражающий атаки гранит, и в месте столкновения двух стихий вздымается каскад брызг, издавлека напоминающий силуэт голод-

ного птенца гарпии.

– Лишь отрешившись от всего, ты можешь обрести гармонию с собой и со своим миром, теперь этот мир твой, – гулкий голос, раздавшийся позади, слился с грохотом грома, рассыпался по берегу, потонул в малахитовых волнах.

Какое-то время Тайрья прислушивается к медной россыпи дождя и серебряной грусти гитарных струн, стремящихся вступить с ним в диалог. Ей бы хотелось, чтобы эта мелодия, печальная и отчего-то светлая, стала ответом на прозвучавшие слова. Но это не то, чего ожидает от нее властный голос. Решение должно быть принято.

В Тайрьи начинает назревать не то вопрос, не то догадка. Оно вертится в уме и просится стать высказанным. Она спрашивает:

– Чтобы достичь своей мечты я должна принести жертву? Саму себя?

Он говорит:

– Ты перейдешь в другую область существования, ту, которую ты создала для себя сама. Смерть – всего лишь черта, нужно лишь решиться ее провести, смерть – это только порог, и его легко переступить.

Тайрья начинает колебаться:

– Но назад дороги не будет.

Он говорит:

– Назад дороги нет никогда.

По широким пластам породы стекают тонкие струйки ис-

крящейся ртути. Глубокие раны черных скал, осыпанных пеплом сражения, обгаренных слезами павших, сочатся потоками соучастия. Их подхватывают, их впитывают кобальтовые глубины распахнутых ртов, их остатки слизывают белесые языки ненасытной бездны.

... Жизнь – песчинки счастья в черных водах океана...

Тайрья скользнула взглядом по гладким лоснящимся спинам окаменевших монстров, по бликам лазури, вспыхивающим и угасающим в холодной пелене, охватывающей влажными ладонями, окутывающей зыбким дыханием. Последние доли секунды перед прыжком в бездну. И наше будущее в нашем прошлом, а наше прошлое в настоящем, а настоящее – чернота узкого проема грота, ведущего в будущее. Его мрак стремится быть увиденным, его пустота зовет быть разделенной.

... Слушай звуки сердца...

– Я не хочу быть одна в этом мире, пусть даже он будет уютен и любим мной...

– Ты не будешь одна, я буду рядом. Я приду, как только ты захочешь...

Часть 8

На небе вороны, под небом монахи. И я между ними в расшитой рубахе...⁴

Июльским пасмурным утром собравшаяся в храме немногочисленная группка прощавшихся копошилась на узком

⁴ Слова из песни группы ДДТ

пятакке, попеременно перекочевывая от киоска со свечами к тускло освещенным иконам и обратно.

Судьба и молитва менялись местами...

Катафалк задерживался. Школьные учителя нетерпеливо посматривали на часы. Студенты испытывали противоречивые чувства. Они были довольны заминкой. Им хотелось оттянуть непонятное для них действие на как можно долгое время. Они тарасились по сторонам, заглядывали в глаза надменных или смиренных ликов, задаваясь вопросом, отчего это лица на иконах такие одинаковые по внешности, но так по-разному смотрят на пришедших? Зачем эти молодые люди пришли, ведь с умершей многие из них либо не общались совсем, либо враждовали? Из любопытства. Из страха. Да, именно страха. Смерти боялись все, и все смутно подозревали, что когда-нибудь это случится и с ними. Поэтому им хотелось подсмотреть в замочную скважину за этой самой Смертью. Пока она пришла за другой, не за ними. Но им хотелось также, чтобы все это побыстрее закончилось, чтобы они вернулись к своим привычным делам, к каникулам, к футбольному полю, к бутылке пива, и побыстрее забыли о происшедшем, и будто не было ничего.

Вот наконец у ворот появилась белая «Газель». Под толчком пролетел нетерпеливый вздох. Заждавшийся у порога тучный священнослужитель, уподобившись дрожащему студню, засеменял к своему рабочему месту.

Душа моя рядом стояла и пела,

Но люди, не веря, смотрели на тело...

В то время как священник разжигал кадило, а его помощник устанавливал на гробу свечи, гнувшиеся и ломавшиеся в его неуклюжих руках, среди пришедших летал тихий ропот. Слишком молода, чтобы умирать. Слишком красива для червей и могилы.

Распахнулось высокое узкое окно. Потянуло промозглой сыростью. Люди переминались с ноги на ногу, не решаясь закрыть его. Никто не помнил, чтобы такое случилось с ними, никто не знал, как поступают в таких случаях. Из окна донесся отчетливый и требовательный крик чайки. Собравшиеся уже не знали, что им думать. В городе, где нет моря, на кладбище, расположенном вдали от рек... Они решили каждый сам для себя, что это звук пилы на заднем дворе.

Свеча догорела, упало кадило...

В тот момент, когда большинство присутствующих уже начало жалеть о том, что пришли, обстановка оживилась. Одна из горящих свеч упала в гроб. Изнутри пополз ядовитый дымок, но на фоне плотной завесы кадильного дыма этого никто не заметил. Пока по покрывалу в ногах покойницы не поползла упрямая змейка огня. Женщина средних лет, скинув плащ, ринулась тушить пламя.

С чьих-то губ вспорхнула неуместная фраза. Легко поднялась на широких крыльях высоко, облетела людей, ухнула по-совиному под потолком и устремилась в раскрытое окно. Полыхавший змей был задушен. В храме воцарилась ти-

шина. Все чего-то ждали. Священник, смущенно прокашлявшись, запричитал молитву. Но продолжалось его пение недолго. Толстяка начал мучить булькающий кашель. Никакой речи о продолжении быть уже не могло, ведь как только он собирался выдать хоть слово, кашель набрасывался на него с новой силой. Лицо священника покраснело, его лысина сильно контрастировала с седыми клоками волос на затылке. Толстяк схватился за горло, вытаращил глаза. Такое впечатление, будто он пытался задушить сам себя.

Люди наблюдали, ощущая сильное желание уйти и разгорающееся любопытство.

Между тем виновник всеобщего внимания начал харкать кровью.

Люди молча наблюдали.

Он хрипел и задыхался.

Они не смели пошевелиться.

Мужчина раскачивался взад-вперед. Девушка в черной шали покинула помещение.

Священник вздрогнул, вытянул шею. Издал гортанный звук. По оттопыренной губе полилась потоком смесь крови и слизи. Он ошарашенно уставился вперед. Его трясла мелкая дрожь. С подбородка свисала бурая нить слюны. Он смотрел на реддеющую кучку людей, пока судорога не скрутила его снова. Подбежавшие помощники оттащили священника в сторону. Крышку гроба поспешно заколотили, не обратив внимания на отсутствие в нем тела. Куда же оно ушло, вос-

пользовавшись всеобщим замешательством, не заинтересовался никто. Гроб должен быть зарыт как можно скорее. С делом должно быть покончено немедленно. Эта чертовщина не должна распространиться дальше.

Земля, застонав, превратилась в могилу...

Тишину кладбища вспугнули два ворона, сухо прорезавшие прохладу воздуха шелестом крыльев. У жадно разинутой глубины могилы остались лишь отец, мать и Виталий, замыкавший короткую процессию, единственный, кто сохранял невозмутимое спокойствие на протяжении всего дня.

Взлетев, на прощанье кружась над родными,

Смеялась я, боли их не понимая...

Пустынно и тихо. Лишь бряканье лопат об мелкие камни. Ни дуновения ветерка. Ни шуршания сухой листвы.

Широкие столбы старых деревьев, поросших мхом. Черные покосившиеся кресты. Засохшие венки и букеты – разлапистые, ненужные покойникам знаки внимания и любви живых. Седая сухость гравия, как осколки изъеденных временем черепов. И на них желтые пятна преждевременно опавших листьев.

Последний ком рыхлой земли упал на свежую могилу. Последний взгляд был брошен на имя, навсегда отзвучавшее для оставшихся жить. Последний вздох любви обрел свою волю, чтобы никогда уже впредь не срывать с опечаленных губ.

Трое людей, объединенных общей потерей, направились

в сторону чугунных литых ворот, отделявших мир мертвых от мира живых.

Черноволосая женщина глядела им вслед сквозь дымку черной вуали, скрывавшей бледное лицо и яркую синеву глаз. Ее тонкие пальцы, обтянутые черной кожей перчаток, коснулись пылающих осенью губ, будто в знак прощанья, и упали на складки длинного платья. Их подхватила ладонь белокурого мужчины, задумчиво глядевшего на пустую могилу и белые розы на ней. Он сжал ее хрупкие нервные пальцы. Взгляды их встретились и мгновенно разошлись вновь. Молодой мужчина наклонился к букетам. Отделил от букета один белый бутон, вынул из петлицы цветок, мерцавший черным бархатом, и заменил на новый.

Скрипнули петли тяжелых ворот. Их стон пронес по земле вечного сна холодный ветер. Но услышать его было уже некому.